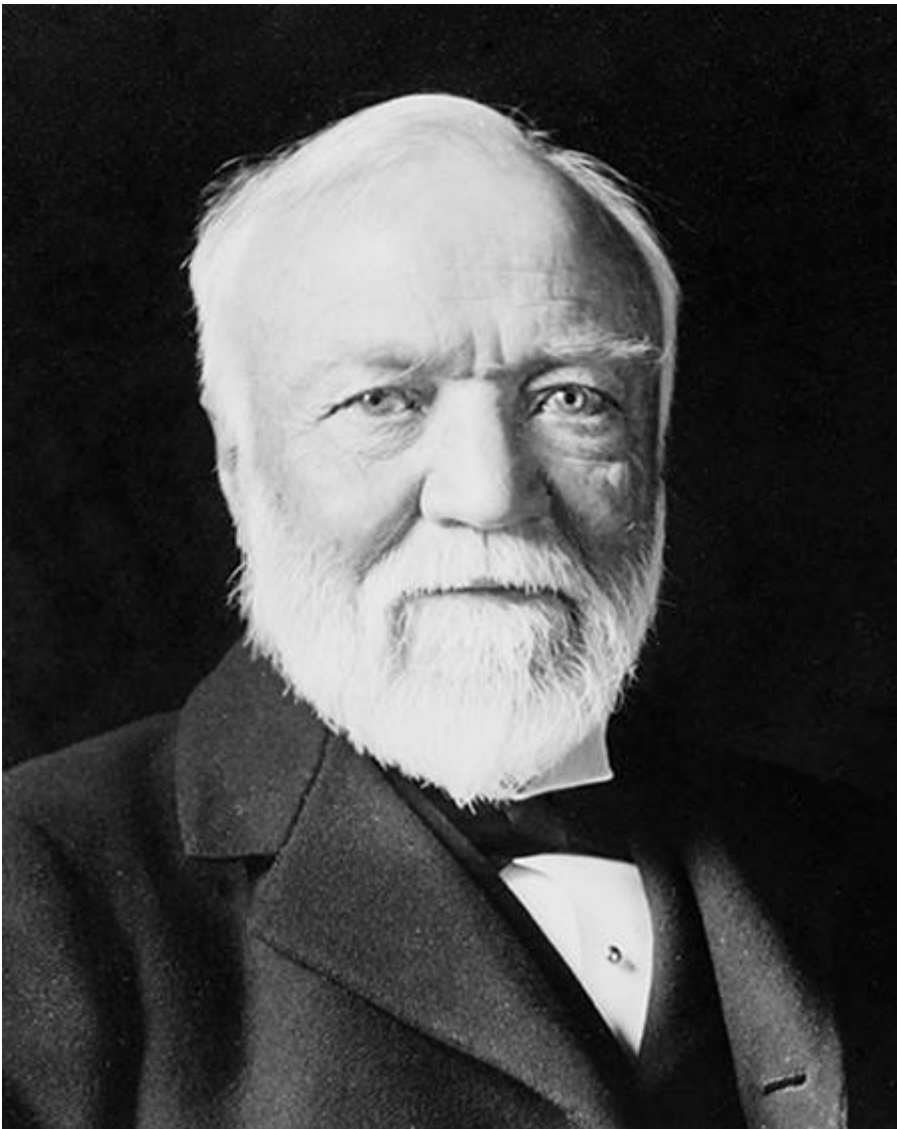

Глава VIII

Шёл май 1892 года. Мы узнали, что в питтсбургской сталелитейной компании Карнеги начался конфликт между рабочими и начальством. Первых поддерживала Объединённая ассоциация рабочих железоплавильной, сталелитейной и жестяной промышленности — одна из самых больших и эффективных организаций страны по борьбе за права трудящихся. Состояли в ней преимущественно американцы, решительные, суровые и готовые отстаивать свои права. Ассоциации противостояла могущественная корпорация «Карнеги», которая была известна жёсткими методами управления. Примечательно, что президент компании, Эндрю Карнеги, временно передал свои полномочия председателю Генри Клэю Фрику — тот отличался яркой ненавистью к трудящимся. Фрик также был владельцем крупных коксовых месторождений: рабочих там держали в ежовых рукавицах, а профсоюзы находились под запретом.

Эндрю Карнеги

Генри Клэй Фрик

Импорт стали обходился очень дорого — тем самым американская промышленность получила дополнительный стимул к развитию. Фактически компания Карнеги была монополистом в стальной отрасли и могла похвастаться беспрецедентными прибылями. Самые большие заводы располагались близ Питтсбурга — в Хоумстеде; на местном производстве были заняты тысячи высокопрофессиональных рабочих, которые проходили длительную подготовку. Их зарплата устанавливалась совместно компанией и профсоюзом по скользящей шкале — в зависимости от уровня рыночных цен на сталь. Срок текущего договора истекал, и рабочие предложили повысить уровень выплат, поскольку увеличились объёмы выпускаемой продукции и возросли цены на неё.

Человеколюбивый Эндрю Карнеги очень кстати уехал в свой шотландский дворец, и Фрик решил воспользоваться ситуацией по максимуму. Он заявил, что отныне скользящая шкала упразднена: компания больше не станет заключать соглашения с ассоциацией и начнёт самостоятельно определять размер выплат. Переговоров с рабочими, как раньше, не будет. Заводы закрываются, все могут считать себя уволенными: на работу теперь можно

устроиться только в индивидуальном порядке, и уровень зарплаты каждому работнику назначат отдельно. Фрик резко отказался от мирных переговоров с рабочей организацией и заявил, что «нечего здесь обсуждать». Вскоре заводы закрылись. «Это не забастовка, а массовое увольнение», — заявил Фрик. Его слова прозвучали как призыв к началу войны.

В Хоумстеде и близлежащих к нему районах зрело недовольство. Вся Америка сочувствовала рабочим, даже наиболее консервативные издания упрекали Фрика за столь радикальные и самовольно принятые меры. Его обвиняли в намеренном провоцировании кризиса, который может охватить всю страну — слишком много людей потеряли работу из-за произвола Фрика. Всё это не могло не отразиться в дальнейшем на дочерних профсоюзах и смежных отраслях промышленности.

Среди трудящихся повсеместно вспыхивали волнения. Рабочие стальной промышленности заявили, что принимают вызов Фрика: они решили бороться за свои права самоорганизации и коллегиального решения вопросов с начальством. Их решительный настрой вызывал в памяти образ других бунтарей — участников Войны за независимость.

А вдали от полей грядущей битвы, в нашем маленьком кафе-мороженом, мы жадно следили за развитием событий. Нам казалось, что пришло долгожданное время пробуждения американских рабочих — местные пролетарии восстали, почувствовали свою мощь и теперь-то уж наверняка разорвут цепи, которые сковывали их так долго. Нас безмерно восхищало поведение хоумстедских мужчин.

Мы занимались ежедневной рутинной — ожидали посетителей, подавали им чай и мороженое, — но душой были в Хоумстеде, вместе с храбрыми сталелитейщиками. Нам редко удавалось выспаться — всё свободное время теперь уходило на обсуждение новостей. В обеденный перерыв один из парней бежал за свежими газетами. Мы с головой погрузились в хоумстедские события, всё остальное нас просто не интересовало. По ночам мы обсуждали ситуацию со всех сторон — чувство уверенности, что масштабная борьба не за горами, не покидало нас.

Как-то раз я была в кафе одна. Зашёл посетитель и попросил мороженого. Я принесла заказ и вдруг заметила крупный заголовок в газете, которую читал мужчина: «Развитие событий в Хоумстеде. — Семьи забастовщиков выселены из домов компании. — Женщину выносят на улицу шерифы». Заглядывая через плечо посетителя, я прочитала обращение Фрика к рабочим: они-де скорее умрут, чем дождутся удовлетворения своих требований. Кроме того, Фрик угрожал обратиться к детективам Пинкертона⁴³. Жёсткий тон статьи, бесчеловечное отношение Фрика к выселенной матери потрясли меня. Негодование наполнило всё моё существо. Я услышала, как мужчина за столом спрашивает: «Вам плохо, юная леди? Могу я вам чем-то помочь?» «Да, отдайте мне свою газету! — выпалила я. — Платить за мороженое не надо. Только уходите. Кафе закрывается». Мужчина, кажется, решил, что я тронулась умом.

Я закрыла кафе и со всех ног кинулась в нашу маленькую квартиру через три квартала. Хоумстед, а не Россия! Теперь я точно знала — нам нужно ехать в Хоумстед. Парни отдыхали перед вечерней сменой, когда я вбежала в комнату с газетой в руке. Они мигом

вскочили: «Что случилось, Эмма? Ты ужасно выглядишь!» Я не могла выговорить ни слова и молча дала им газету.

Саша понял всё первым. «Хоумстед! — вскричал он. — Я должен ехать в Хоумстед!» Я бросилась обнимать Сашу, беспрестанно повторяя его имя. Мы едем вместе! «Надо отправляться сегодня же, — сказал он. — Наконец настал великий момент! Мы — интернационалисты. Неважно, где наносят удар по рабочим — мы должны быть с ними. Мы должны донести до них наши великие идеи и объяснить, что бастовать нужно не только сейчас, а постоянно — за свободную жизнь, за анархизм! В России было много героев, мужчин и женщин, — а кто был в Америке? Да, мы обязаны ехать в Хоумстед, сегодня же вечером!»

Я никогда не слышала, чтобы Саша был так красноречив. Казалось, он даже повзрослел — сильный, дерзкий мужчина... Сашино лицо будто бы светилось изнутри — это делало его таким красивым, как никогда раньше.

Мы сразу же отправились к нашему хозяину — сказать, что уезжаем. Он смотрел на нас как на сумасшедших, ведь дела в заведении шли прекрасно и накопить приличный капитал нам не составило бы никакого труда. Хозяин был уверен: если мы останемся до конца лета, то заработаем по меньшей мере тысячу долларов! Но он тщетно старался нас переубедить. Мы сочинили историю, что наш близкий родственник при смерти, и потому нам нужно срочно уехать к нему. Кафе останется хозяину; всё, что нам нужно, — только сегодняшняя вечерняя выручка. Мы задержимся до закрытия, приведём всё в порядок и отдадим ему ключи.

Тем вечером в кафе было не протолкнуться — никогда у нас не было столько посетителей. К часу ночи мы распродали всё. Выручка составила семьдесят пять долларов. Утренний поезд увёз нас прочь.

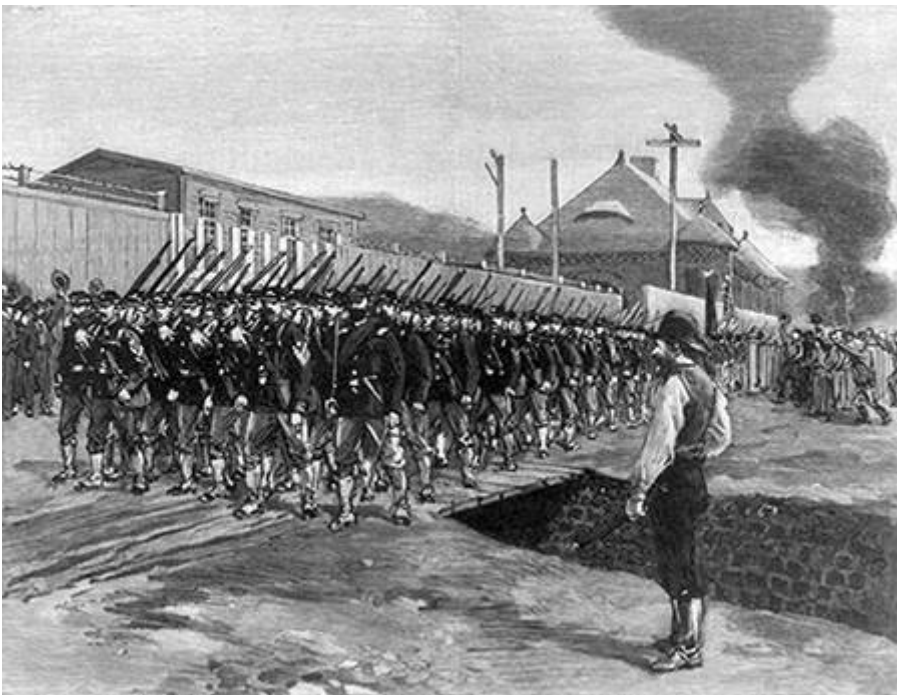
По дороге мы обсуждали планы на будущее. Нужно было написать манифест с обращением к рабочим сталелитейки, а потом ещё и найти человека, который перевёл бы наш текст на английский (мы сами ещё плохо формулировали мысли на чужом языке). Дальше мы планировали напечатать в Нью-Йорке немецкую и английскую версии манифеста и поехать с ними в Питтсбург, а там с помощью немецких товарищей организовать митинги, для которых я подготовлю речь. Федя должен был остаться в Нью-Йорке и наблюдать со стороны за развитием событий.

С вокзала мы сразу поехали к Моллоку — австрийскому товарищу, знакомому по группе Autonomie. Он был пекарем и работал по ночам, но мы знали, что его двое детей и жена Пеппи наверняка дома — она-то нас и разместит. Конечно, Пеппи удивилась, когда обнаружила на пороге нас троих, да ещё и с багажом, но всё же пригласила войти и накормила, а после предложила устраиваться на ночлег. Но нас пока заботили другие дела.

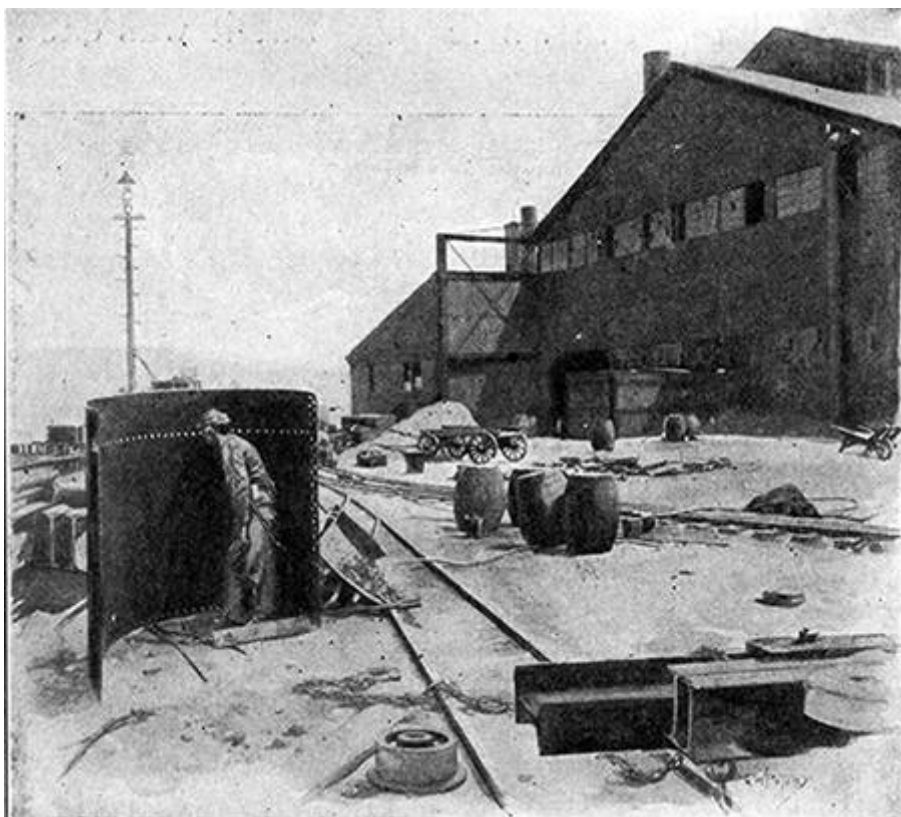
Мы с Сашей отправились искать нашего давнего знакомого Клауса Тиммермана — убеждённого немецкого анархиста. Он обладал явным поэтическим даром и умел прекрасно вести пропаганду. До переезда в Нью-Йорк он редактировал анархическую газету Сент-Луиса. Мы считали, что Клаус — приятный в общении парень, на которого можно

положиться целиком и полностью, пусть он и много пьёт. Клаус стал единственным, кого мы решились посвятить в свои планы. Он сразу загорелся нашей идеей, и в тот же вечер манифест был готов. В нём мы горячо призывали мужчин Хоумстеда сбросить ярмо капитализма, обернуть силы против уничтожения наёмного труда в целом и продолжать борьбу — до окончательного торжества социальной революции и анархизма.

Через несколько дней после нашего возвращения в Нью-Йорк по стране пронеслась новость об убийстве множества сталелитейщиков агентами Пинкертон. До этого Фрик приказал укрепить хоумстедские заводы, окружив их высокими стенами. И однажды глубокой ночью баржа со штрейкбрехерами (под защитой вооружённых наёмников Пинкертон) незаметно подплыла к заводам по реке Мононгахеле. Сталелитейщики догадались, что замышляет Фрик. Они растянулись цепочкой по берегу, намереваясь оттеснить противника. Когда баржа поравнялась с рабочими, наёмники без предупреждения открыли огонь. Многие люди были убиты (в их числе оказался и маленький мальчик), десятки — ранены.

18-й полк, прибывший для разгона рабочих, проходит около завода Карнеги

Рабочий металлургического завода во время обстрела скрывается за прокатным листом и смотрит на бойцов агентства Пинкертона через отверстия для заклёпок

Беспричинное убийство поразило даже ко всему привычную прессу. Несколько газет вышли с броскими заголовками, сурово осуждающими действия Фрика. Он зашёл слишком далеко и пуще прежнего разжёл гнев в рабочих кругах — если после этого вновь произойдёт нечто из ряда вон выходящее, то виноват будет только он.

Мы были ошарашены. Стало очевидно, что время для нашего манифеста ушло. Любые слова потеряли смысл перед видом пролитой на берегу Мононгахелы крови невинных жертв. - Интуитивно каждый из нас чувствовал, что росло в душе у другого. Молчание прервал Саша. «Фрик виновен в этом преступлении, — сказал он, — и должен ответить по заслугам». Саша, конечно же, подразумевал, что Фрика надо убить. Всю страну лихорадило, Фрика единодушно считали виновником хладнокровного убийства. Без сомнения, преступника должен был настичь выстрел, который аукнулся бы в беднейших лачугах и привлёл бы внимание всего мира к истинной причине хоумстедского конфликта. Теракт — отличный способ посеять ужас в рядах врагов и заставить их понять, что найдутся те, кто отомстит за американских рабочих.

Саше никогда раньше не приходилось делать бомбы, но он знал, что сможет почерпнуть нужные сведения из книги Моста «Наука революционного ведения войны». Достать динамит Саша планировал у одного знакомого со Статен-Айленд. Наконец настал тот великий момент, когда можно послужить Делу, отдав за людей свою жизнь, — потому Саша и решил отправиться в Питтсбург.

«Мы поедem с тобой!» — закричали мы с Федей, перебивая друг друга. Но Саша не хотел и слышать об этом. Он настаивал, что необходимости ехать всем вместе нет, а отдавать три

жизни ради мести одному человеку — просто преступно.

Федя и я сели по обе стороны от Саши, и мы взялись за руки. Тихим и ровным голосом Саша начал раскрывать нам подробности своего плана. Он собирался отрегулировать часовой механизм на бомбе так, чтобы успеть разобраться с Фриком, но остаться в живых самому. Нет, Саша не хотел сбежать, он лишь собирался дожить до суда, чтобы принародно объяснить мотивы своего поступка — не разбойного, а идеалистского.

«Я убью Фрика, — закончил Саша, — и меня, конечно же, приговорят к смерти. Я умру с достоинством и буду знать, что отдал жизнь за людей. Но умру я только от своей собственной руки, как Линг. Ни за что не позволю врагам убить меня».

Я замороженно следила за его губами — ясная, спокойная и уверенная речь, священный огонь идеала увлекли меня. Саша повернулся ко мне и продолжил говорить своим низким голосом. Он сказал, что я — прирождённая пропагандистка, и во многом могу ему поспособствовать. Я могу растолковать значение теракта рабочим, объяснить им, что у Саши нет личной неприязни к Фрику: как человек он интересовал его не больше остальных. Фрик — символ власти и богатства, несправедливого правления капиталистов; он один виновен в убийстве рабочих. Сашин поступок будет направлен против Фрика не как человека, а как врага трудящихся. Саша надеялся, что я понимаю, как важно мне остаться здесь, чтобы объяснять смысл его действий, нести его послание всей стране.

Каждое Сашино слово отзывалось в моей голове как удар кувалдой. Чем дольше он говорил, тем отчётливее я осознавала весь ужас ситуации: я не нужна ему в последний час! Я уже не могла думать о главном — послании, Деле, долге, пропаганде. Какой смысл в этом, если исчезнет та сила, которая сделала Сашу частью меня в ту же минуту, когда мы впервые увиделись и я услышала его голос, пожала ему руку? Разве за три года совместной жизни Саша так мало понял мою душу, что теперь спокойно просит меня жить дальше после того, как он повесится или его разорвёт на куски? Разве настоящая любовь — не рядовое чувство, а готовность отдать всего себя без остатка — не всеобъемлюща, как ничто иное? Геся Гельфман⁴⁴ и Софья Перовская⁴⁵ знали это — и разделили со своими мужчинами жизнь и смерть. Я не могу поступить иначе.

Геся Гельфман

Софья Перовская

«Саша, я тоже поеду! — закричала я. — И буду помогать! Фрик легче доверится женщине, я расчищу тебе путь к нему. Нет, я просто обязана быть с тобой рядом, понимаешь?»

Началось лихорадочное время. По ночам, пока все спали, Саша продумывал состав взрывной смеси, а я караулила его. Сознание жило в постоянном страхе — за Сашу, за наших товарищей и их детей, за остальных жильцов. А вдруг что-то пойдёт не так? Я успокаивала себя тем, что цель оправдывает средства. Мы собирались отдать жизнь за угнетённый народ — святое дело! Да, кое-кому из эксплуататоров придётся исчезнуть с лица земли, зато сколько людей обретут свободу, красоту, комфорт!

После отъезда из Вустера в Нью-Йорк у нас оставалось примерно шестьдесят долларов. Двадцать мы уже истратили. В немалую сумму обошлась начинка бомбы, а ведь ещё нужно было на что-то прожить в Нью-Йорке целую неделю. Кроме того, нужны были деньги на платье и туфли для меня, на билеты до Питтсбурга — это ещё без малого долларов пятьдесят. Я с самого начала поняла, что денег нам потребуется много, а кто согласится их дать — неизвестно, ведь ещё и нельзя было говорить, на какие цели они пойдут. Несколько дней я занималась пропагандой под палящим июльским солнцем — так удалось набрать двадцать пять долларов. Саша закончил готовить бомбу и поехал на Статен-Айленд её проверить. Вернулся он с таким видом, что я сразу поняла — случилось нечто страшное. Вышло так, что бомба не взорвалась.

Саша решил, что в формулу состава вкралась ошибка или отсырел динамит. А если сделать новую бомбу по тому же рецепту — вдруг она опять не взорвётся? Неделя работы прошла впустую, мы потратили кучу нервов и сорок бесценных долларов! Что делать теперь? У нас не оставалось времени на причитания — нужно было действовать быстро.

Разумнее всего было бы обратиться к Мосту. Он постоянно пропагандировал доктрину индивидуального действия и в каждой статье или речи открыто призывал к нему. Мост наверняка был бы рад узнать, что в Америке кто-то наконец готов совершить героический поступок. Наверняка он уже знает о чудовищном преступлении Фрика — в Freiheit ответственность за убийства возложили на него. Мост обязательно поможет!

Но Саше не понравился такой план. Он сказал, что после тюрьмы Мост поставил себя так, будто не хочет иметь с нами ничего общего. Его безмерно раздражала наша близость к группе Autonomie. Я понимала, что имеет в виду Саша: несколько раз я писала Мосту в тюрьму, но не дождалась ответа ни разу. Он не пожелал встретиться со мной после освобождения. Теперь Мост жил с Еленой, у них родился ребёнок — я не имею права вторгаться в их жизнь. Да, Саша прав: трещина между нами и Мостом стала слишком широкой.

Я вспомнила, что Пойкерт и один его друг получили небольшое наследство от своего товарища. Среди его вещей нашли записку: деньги и пистолет завещались на нужды Дела. Я знала этого человека и была уверена, что он бы одобрил наш план. Но Пойкерт? Он не был явным приверженцем индивидуальных революционных действий, как Мост, но вместе с тем не мог не осознавать, насколько важно отомстить Фрику. Пойкерт однозначно согласится помочь — ведь для него это прекрасная возможность очиститься от старых обвинений.

На следующий вечер я разыскала Пойкерта. Он категорически отказался давать мне деньги и тем более пистолет, пока не узнает, для чего и кому они понадобились. Мне не хотелось ничего рассказывать, но я опасалась, что без согласия Пойкерта весь наш план пойдёт прахом. В конце концов я призналась, что планируется покушение на Фрика, но умолчала, кто будет исполнителем. Пойкерт согласился, что такой поступок будет неоценим для пропаганды, но хотел всё же посоветоваться с остальными членами группы. Я не могла допустить, чтобы столько людей узнали о нашей задумке — тогда новость точно дойдёт до журналистов. К тому же меня не покидало чувство, что Пойкерт не хочет иметь дела с этой затеей. Я не забыла своего первого впечатления о нём: он не был похож на героя или мученика.

Мне не нужно было даже говорить, что ничего не вышло — это легко читалось на моём лице. Но Саша сказал, что дело нужно довести до конца; неважно откуда, но деньги достать придётся. Стало ясно, что вдвоём мы поехать не сможем — мне оставалось только покориться и отпустить Сашу одного. Он снова повторил, что не сомневается в моих силах, и заверил, что был очень рад, когда я настаивала на совместной поездке. «Но мы слишком бедны, — сказал Саша. — Бедность всегда сильно влияет на наши планы. Мы просто разделим с тобой обязанности: пусть каждый делает то, что умеет лучше всего». Саша не умел агитировать — это было моим полем деятельности: получалось, я должна была донести смысл его поступка до рабочих. Я не хотела соглашаться с такими доводами, хоть и чувствовала, что они справедливы, ведь у нас совсем не было денег. Я знала, что нет смысла останавливать Сашу — он отправится в Питтсбург в любом случае.

У нас оставалось пятнадцать долларов — этого должно было хватить на билет в Питтсбург и покупку кое-чего из вещей, ещё доллар мы отвели на еду и жильё в первый день. В

Аллегени Саша хотел разыскать наших товарищей — Карла Нольда и Генри Бауэра — и остановиться у них, пока я не вышлю ему денег. Саша решил никому не рассказывать, зачем приехал — в этом не было нужды, да и просто не следовало вовлекать слишком много людей в секретные планы. Нужно было найти ещё минимум двадцать долларов на пистолет и костюм; дешёвое оружие наверняка удастся достать в каком-нибудь ломбарде. Я не знала, где взять деньги, но была уверена, что справлюсь с этой задачей.

Товарищам, которые приютили нас, мы сказали, что Саша уезжает вечером (причину, конечно же, не озвучили). Был маленький прощальный ужин, все шутили и смеялись, и я в том числе. Я изо всех сил старалась выглядеть весёлой, чтобы подбодрить Сашу, но за моим смехом стояли подавленные рыдания. Наконец пришло время отправляться на вокзал Балтимор-Огайо. Там мы с Сашей попрощались с друзьями и поспешили на платформу; оба слишком нервничали, чтобы говорить.

«Занимайте свои места!» — церемонно объявил проводник. Я вцепилась в Сашу. Он уже зашёл в поезд, а я стояла на нижней ступеньке. Придерживая меня, Саша наклонился и прошептал: «Моя морячка (так он меня называл), соратница, ты будешь со мной до конца. Ты всем расскажешь, что я отдал самое дорогое ради идеала, ради избавления людей от огромных страданий».

Поезд тронулся. Саша мягко ослабил наши объятия и помог мне спрыгнуть со ступеньки. Я побежала вслед, я махала и кричала: «Саша, Сашенька!» Дымящийся монстр уже исчез за поворотом, а я всё стояла как приклеенная и тянулась за ним, простирая руки к драгоценной жизни, которую у меня отбирали.

Я проснулась с чётким планом, как соберу деньги для Саши: нужно пойти зарабатывать на улицу. Я лежала и удивлялась, откуда такая идея могла взяться в моей голове. Вспомнилось «Преступление и наказание» Достоевского: когда-то эта книга произвела на меня неизгладимое впечатление. В особенности врезался в память образ Сони — дочь Мармеладова, она стала проституткой, чтобы снять с плеч больной мачехи бремя забот и прокормить младших братьев и сестёр. Я так и видела, как Соня лежит на своей койке, лицом к стене, её плечи подрагивают... Мне было нетрудно представить себя на её месте. Раз чувствительная Соня смогла торговать собой, почему бы не попробовать и мне? Мои причины важнее: Саша, его великий поступок и народ. Но решусь ли я спать с незнакомыми мужчинами за деньги? Сама мысль об этом была мне отвратительна. Я зарылась лицом в подушку, чтобы спрятаться от света. «Слабачка, — говорил внутренний голос. — Саша готов отдать свою жизнь, а ты боишься отдать даже своё тело, несчастная трусиха!» Ещё несколько часов ушло на то, чтобы собраться с силами, и я, наконец решившись, встала с постели.

Прежде всего нужно было сделать себя привлекательной — для тех мужчин, которые ищут девушек на улице. Я подошла к зеркалу и стала рассматривать своё тело. Усталый вид, но цвет кожи здоровый. Макияж не понадобится. Волнистые светлые волосы гармонируют с голубыми глазами. «Вот бёдра для моего возраста широковаты», — подумала я (мне было всего двадцать три). Впрочем, я же еврейка. А вообще можно надеть корсет, туфли на каблуках (я никогда не носила ни того, ни другого) — сразу стану казаться выше.

Корсеты, каблуки, изящное бельё — где взять денег на всё это? В моём гардеробе имелось белое льняное платье, украшенное кавказской вышивкой. На белье можно было достать немного мягкой ткани телесного цвета. Я знала, что необходимые приобретения можно сделать в дешёвых магазинах на Гранд-стрит.

Я спешно оделась и пошла искать квартирную служанку — я ей нравилась, и она без вопросов одолжила мне пять долларов. Я сходила за покупками, а вернувшись, закрылась в комнате — никого не хотелось видеть. Меня поглотило шитьё белья и мысли о Саше. Что бы он сказал? Одобрил бы ли он такое решение? Я была уверена, что да: Саша считал, что цель оправдывает любые средства, а настоящий революционер не будет гнушаться ничем ради Дела.

Вечером в субботу, 16 июля 1892 года, я прогуливалась туда-сюда по 14-й улице вместе со стайкой девушек, которых я часто видела здесь за «работой». Сначала я была спокойна, но потом заволновалась, вглядевшись, как нагло смотрят на женщин проходящие мужчины, как они обращаются с ними. Мне хотелось сбежать домой, сбросить дешёвый наряд и смыть с себя всю эту грязь. Но голос всё звучал внутри меня: «Ты должна выдержать. Саша, его поступок — всё будет потеряно, если ты сдашься».

Я прохаживалась по улице дальше, но едва ко мне подходил мужчина, я словно забывала о цели и ускоряла шаг. Один вёл себя весьма настойчиво, и мне пришлось убежать. К одиннадцати часам я была измотана до предела — ноги ныли от каблуков, в голове стучало. Я хотела расплакаться от усталости и отвращения к себе — почему так тяжело решиться?

Я сделала последнее усилие и встала на углу 14-й улицы и 4-й авеню, около банка. Пойду с первым же, кто меня пригласит! Ко мне приблизился высокий, лощёный, хорошо одетый мужчина. «Давай выпьем, малышка?» — предложил он. У него были седые волосы, а на вид ему казалось никак не меньше шестидесяти — впрочем, лицо выглядело свежим. «Хорошо», — согласилась я. Мужчина взял меня за руку и повёл к винному ресторану на Юнион-сквер — мы с Мостом часто захаживали туда. «Только не здесь! — я чуть не сорвалась на крик. — Пожалуйста, не здесь». Я повела его к заднему входу кафе на углу 13-й улицы и 3-й авеню — как-то я пила там пиво; место было тихим и чистым.

Вечером здесь оказалось многолюдно — мы с трудом нашли столик. Мужчина заказал напитки. У меня пересохло в горле, и я попросила стакан пива. Мы не перемолвились ни словом. Я чувствовала, как клиент ощупывает взглядом моё лицо и тело, что меня всё больше раздражало. Вскоре он спросил: «Ты новенькая в этом деле, так?» «Да, я в первый раз, но как вы догадались?» — поинтересовалась я. «Я наблюдал за тобой, когда ты проходила мимо», — последовал ответ. Он заметил испуг на моём лице и то, как я ускоряла шаг, увидев приближающегося мужчину. Мой клиент не знал, что привело меня на улицу, но догадывался, что не распушенность или жажда острых ощущений. «Тысячами девушек движет материальная необходимость», — выпалила я. Он удивлённо посмотрел на меня: «Откуда ты это знаешь?» Мне очень хотелось рассказать ему о социальных проблемах, о своих идеях да просто о том, кто я на самом деле, но пришлось сдержаться. Нельзя раскрывать себя: какой будет кошмар, если он узнает, что забрал с 14-й улицы Эмму Гольдман, анархистку. Нечего сказать, лакомая история для газет!

Мужчина сказал, что ему нет дела до экономических проблем и причин моего поведения. Он только хотел объяснить мне, что в проституции нечего делать без особой сноровки — «у тебя её нет, только и всего». На стол легли десять долларов. «Возьми их и иди домой», — сказал он. «Но почему вы даёте мне деньги, если не хотите, чтобы я пошла с вами?» — решила спросить я. «Ну, чтобы покрыть твои расходы на наряды. Твоё платье ужасно красиво, хоть к нему и не подходят эти дешёвые туфли с чулками». Я поражённо молчала.

Мне встречались два вида мужчин — грубияны и идеалисты. Первые никогда не упустили бы возможности овладеть женщиной, их не интересовало ничего, кроме секса. Идеалисты решительно отстаивали идею равенства полов — по крайней мере, в теории; единственными, кто воплощал свои убеждения на практике, были русские и еврейские радикалы. А вот мужчина, который снял меня на улице и теперь сидел со мной в глубине ресторана, явно не принадлежал ни к тому, ни к другому типу. Он заинтересовал меня. Похоже, он богат — но разве богатый даст что-нибудь просто так? Мне сразу вспомнился фабрикант Гарсон, который отказывался хоть немного повысить мне зарплату.

Возможно, мой «клиент» — один из тех людей, которые «очищают Нью-Йорк от зла»; мне доводилось читать о таких. Мужчина засмеялся и сказал, что он вовсе не блюстителем порядка — если бы он понял, что я на самом деле хочу стоять на улице, то не вмешался бы. «Конечно, я могу быть кругом неправ, — добавил он, — но я уверен, что тебе совсем не хотелось стать проституткой. Даже если бы тебе „повезло“ с другим клиентом, ты возненавидела бы со временем это дело». Он обмолвился, что даже мог бы взять меня в жёны. «Навсегда?» — вскричала я. «Ну вот! — кивнул мужчина. — Ты боишься обычного предложения и всё же хочешь попытаться счастья на улице. Ты ужасно хороша собой, но при этом глупа, неопытна и наивна». «Мне в прошлом месяце исполнилось двадцать три», — запротестовала я, обидевшись, что со мной обращаются как с ребёнком. «Да, ты старая дева, — ухмыльнулся мой собеседник, — но даже старухи могут быть детьми в душе. Посмотри на меня: мне шестьдесят один, а я то и дело совершаю очередную глупость». «Например, верите в мою невинность», — отрезала я. Эта простота была мне по душе. Я спросила имя и адрес своего спасителя, чтобы когда-нибудь вернуть деньги — он сказал, что любит загадки, и не стал отвечать. На улице он на мгновение взял меня за руку, а потом мы разошлись в разные стороны.

Той ночью я вертелась с боку на бок. Сон был беспокойный: мне снились Саша, Фрик, Хоумстед, 14-я улица и учтивый незнакомец. Наутро у меня перед глазами ещё стояли картины из сновидений. Потом я заметила на столе свою сумочку, вскочила и открыла её дрожащими руками — там и правда лежали десять долларов! Значит, всё случилось взаправду!

В понедельник пришла короткая записка от Саши: он писал, что встретился с Карлом Нольдом и Генри Бауэром; акцию планирует на следующую субботу, если я немедленно вышлю ему необходимые деньги; уверен, что я его не подведу. Меня расстроил холодный и равнодушный тон письма. Интересно, как тот незнакомец писал бы любимой женщине?.. Но я сразу же выкинула эти мысли прочь: сумасшествие — думать о таком, когда Саша готовится отнять чужую жизнь и отдать свою. Как можно равнять Сашу с незнакомцем? Нужно было достать побольше денег для моего мальчика.

